

УДК 94(47).084.5

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ САРАТОВА В 1920-е ГОДЫ

Э. Ф. Абуликерова

Саратовский государственный университет
E-mail: elmira_milaya@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы профессиональной повседневности научно-педагогических работников вузов Саратова в 1920-е гг. Показаны политические и социально-экономические факторы, направления реформирования организации учебного процесса, влиявшие на содержание и характер деятельности преподавателей высшей школы в тот период.

Ключевые слова: научно-педагогические работники, высшая школа, профессиональная повседневность, Саратов, 1920-е годы.

**Professional Daily Scientific and Pedagogical Workers
of Saratov in the 1920s**

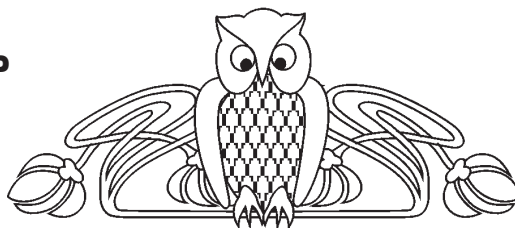
E. F. Abubikerova

The article deals with the issues of professional everyday life of employees of Saratov institutions of higher education in 1920 years, engaged in teaching and research. The author describes political, social and economic factors, educational process reforms' directions which influenced the content and nature of the higher school teachers' work at that time.

Key words: employees engaged in teaching and research, higher school, professional everyday life, Saratov, 1920 years.

В первые годы советской власти российская высшая школа подверглась серьезной трансформации, которая непосредственным образом отразилась на профессиональной повседневности научно-педагогических кадров. На положении вузовских работников сказывалась также сложная политическая и социально-экономическая ситуация тех лет.

В 1920-е гг. сеть вузов и их структура в Саратове, как и в целом по стране, постоянно подвергались разного рода изменениям: появлялись новые вузы и факультеты, претерпевавшие затем реорганизацию, происходило слияние вузов и факультетов, прекращалась и возобновлялась их деятельность. Так, в Саратовском государственном университете всего несколько лет просуществовал факультет общественных наук (ФОН), который постепенно вобрал в себя все гуманитарные специальности, существовавшие на открытых в 1917 г. историко-филологическом и юридическом факультетах. В 1924 г. часть отделений ФОНа (правовое и экономическое) вошла во вновь образованный факультет хозяйства и права, а часть вместе с физико-математическим факультетом – в педагогический факультет. Недолго находились в составе университета агрономический и гидро-

технический факультеты¹. С середины 1920-х гг. и до конца десятилетия в СГУ было 4 факультета: медицинский (единственный до революции), педагогический, хозяйства и права и рабочий. Два года работал Саратовский политехнический институт, открытый в 1919 г., в составе четырех специальных факультетов. Уже в ноябре 1921 г. он был закрыт по распоряжению центра, сохранен был лишь факультет путей сообщения, который присоединили к СГУ. В 1923 г. на базе агрономического факультета университета был воссоздан Саратовский сельскохозяйственный институт, переименованный в 1924 г. в Институт сельского хозяйства и мелиорации. Пожалуй, только Государственный ветеринарный институт, эвакуированный в Саратов в 1918 г. из Юрьева, лишь в малой степени подвергся тогда реорганизации. Кроме названных вузов в Саратове в 1920-е гг. действовал еще Областной коммунистический университет им. В. И. Ленина, основанный в 1922 г. как высшая партийная школа².

Отсутствие стабильности в вузовской системе влияло на количественные и качественные показатели научно-педагогического сообщества саратовских вузов в рассматриваемое десятилетие. Наряду с этим основными причинами изменения состава вузовских работников являлись репрессии по политическим или иным мотивам, стремление власти к созданию новой категории ученых, а также материальные условия. Низкая заработная плата, плохие жилищные условия – все это вынуждало научных работников подыскивать рабочие места зачастую в других городах.

После окончания Гражданской войны часть преподавателей Саратовского университета, прибывших в Саратов, спасаясь от репрессий и голода, начала возвращаться в те университеты, в которых они работали прежде. Покинули Саратов такие крупные ученые, как В. М. Жирмунский, Н. Н. Дурново, И. И. Привалов и ряд других. Голод вынудил к отъезду и тех, кто в иных условиях мог бы остаться в университете и плодотворно работать (Ф. П. Саваренский, В. П. Бушинский, Н. Н. Яковлев и др.)³. Число же прибывших в это время в Саратов научно-педагогических работников было значительно меньше. Так, за пятилетие с 1920 по 1925 г. из сельскохозяйственного института выбыло 14 профессоров и 30 преподавателей, а прибыло 10 профессоров и 25 преподавателей⁴. В результате за эти годы по разным причинам число профессоров в университете уменьшилось с 99 до 61, в ветеринарном институте – с 20 до 13, в сель-

скохозыяственном – с 23 до 19⁵. «Выдавливание» из вузов «старой профессуры», особенно гуманитариев, продолжалось и в последующие годы. Вместе с тем общее сокращение численности научно-педагогических работников в саратовских институтах было незначительным, а в университете за 1920-е гг. наблюдалось даже увеличение их числа на 139 человек⁶. Вузы пополнялись в этот период в основном за счет молодых преподавателей и научных сотрудников, не всегда обладавших должной квалификацией. К концу десятилетия важным элементом в процессе формирования нового советского научно-педагогического сообщества стал институт выдвиженчества, имевший своей целью заменить «ненадежные» кадры из старой профессуры новыми, «надежными» из рабоче-крестьянской среды, подготавливая их к поступлению в аспирантуру.

Материальное положение, жилищные условия и уровень заработной платы профессорско-преподавательского состава на протяжении всего десятилетия не подвергались кардинальному изменению. В первой половине 1920-х гг. в связи с тяжелой обстановкой в стране начали выдаваться академические пайки для поддержания здоровья ученых. Норма академического пайка предполагала содержание необходимого количества питательных веществ, требуемого при повышенной затрате умственной энергии. Но в Саратове на протяжении нескольких лет с этими пайками дело обстояло плохо. Лишь в феврале 1923 г. было выдано 336 академических пайков 201 профессору и преподавателю⁷. Разница в количестве выданного и полученного объясняется тем, что некоторые профессора и преподаватели получали не по одной норме академического пайка, а по полуторной, двойной или тройной. Так, профессора В. И. Разумовский, В. В. Вормс, С. И. Спасокукоцкий и С. Р. Миротворцев получали академический паек в двойном размере⁸. Тот факт, что во второй половине 1920-х гг. экономическое положение в стране немного улучшилось, никак не отразился на улучшении материального и бытового положения преподавателей саратовских вузов.

Заработная плата научно-педагогических работников в Саратове оставалась низкой, в несколько раз меньше, чем в дореволюционное время, и намного меньше, чем в ряде новых университетов, образованных в союзных республиках. Если в 1914 г. за один лекционный час профессору выплачивали 8 довоенных руб. 90 коп., то в 1923/24 учебном году оплата соответствовала 58 коп. по коэффициенту довоенного рубля⁹. В середине 1920-х гг. преподаватель вуза получал в среднем гораздо меньше, чем квалифицированный рабочий – горняк или текстильщик, а средний заработок советского служащего в несколько раз превышал заработок профессора¹⁰. Спасало некоторых ученых лишь дополнительное академическое обеспечение, выдаваемое в денежной форме, норма которого зависела от категории научно-пе-

дагогических работников (12 руб. по 1-й категории и 40 руб. по 5-й¹¹). С 1927 г. произошел переход с тарифной системы оплаты труда преподавателей на должностные оклады, что на 11% повысило зарплату профессоров и на 17% – остальных вузовских преподавателей¹². Это незначительное повышение не могло полностью обеспечить материальное благополучие научных работников, в связи с этим многие из них все же продолжали искать дополнительный заработок, причем иногда в нескольких местах одновременно¹³.

На продуктивности профессиональной деятельности негативно сказывались ухудшившиеся за годы Гражданской войны жилищные и бытовые условия, не дававшие ученым возможности сосредоточиться. В анкетах преподавателей саратовских вузов можно встретить такие ответы: «Невозможные условия для научной исследовательской работы. Убегаю работать в университетский кабинет»¹⁴, «Квартира с удобствами, но, благодаря тому что в квартире, кроме моей семьи, проживают в двух комнатах две посторонние семьи, научная работа очень затруднена (шум и прочее)»¹⁵. Ситуация стала несколько меняться после выхода постановления ВЦИК и СНК от 31 июля 1924 г. «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников», дополненного постановлением ВЦИК от 13 апреля 1925 г., на основании которых научные работники имели «право на одну дополнительную комнату для научных занятий сверх площади, причитающейся работнику по общегражданской норме»¹⁶.

В значительной мере на профессиональной повседневности научно-педагогических работников саратовских вузов в 1920-е гг. сказались те нововведения, которые коренным образом реформировали учебный процесс в высшей школе. Вузы перешли на триместровую организацию (три учебных периода) учебного года, Наркомпрос и Государственный ученый совет (ГУС) активно внедряли новые учебные планы и программы, что вело к сокращению количества преподаваемых предметов и срока обучения до 3–4 лет. Такие изменения, по мнению многих профессоров, были просто неприемлемы при подготовке будущих специалистов, негативно отражались на их квалификации. Профессора были крайне возмущены всем происходившим, они отказывались вести занятия по новым учебным планам, «ставить в зачетку свою подпись», «быть ответственными перед обществом за знания студентов»¹⁷.

Основным нововведением в организации преподавания было продвижение активных методов преподавания и системы конвейера. Эти новшества в научно-педагогической среде были восприняты крайне неоднозначно. Были их ярые противники, были и те, которые выступали в поддержку данных нововведений, и те, которые придерживались нейтралитета. Конечно, для преподавателей, которые привыкли вести занятия, используя лекции и семинары, это было просто

неприемлемо и они, естественно, выступали с полной критикой данных методов. Так, известный ученый, профессор СГУ В. В. Голубев категорически возражал против введения активного метода преподавания, заявляя, что «лекционный способ преподавания самый лучший, так как при нем студент учится у профессора способу объяснять»¹⁸. Бытовала также точка зрения, что введение активных методов превращает «студентов в простых школьников»¹⁹.

Критика лекционного способа преподавания как устаревшего метода в основном шла со стороны партийных ячеек и партийного студенчества. Наиболее распространенными были утверждения, что лекционная система давала слишком мало знаний, что на лекции профессора и преподаватели не останавливаются на самом главном, не учитывают особенностей нового студенчества из рабоче-крестьянской среды, что подготовка лекций слабая²⁰. В данном случае власти через определенную категорию студентов стремились ослабить влияние «старой профессуры». Представители студенчества включались в ученые советы факультетов и предметные комиссии, они принимали участие в проработке учебных планов и программ, проведении смотров кафедр, могли высказываться против неугодных профессоров и преподавателей, зачастую используя нелестные и негативные выражения, а также выступали инициаторами их увольнения²¹.

Для текущего контроля учебной работы профессорско-преподавательского состава по каждому предмету были введены журналы. В них отмечались продолжительность и краткое содержание лекции. Заполнение журналов было обязанностью каждого преподавателя, кроме того, их сдавали на проверку 2 раза в триместр²². Таким образом, утверждался все более строгий контроль и у профессоров и преподавателей появлялось все больше обязанностей, которые никакого прямого отношения к научной и учебной работе не имели.

Что же касается учебной нагрузки профессором и преподавателей, то она на протяжении всех 1920-х гг. варьировалась от 2 до 10 часов занятий в неделю, а иногда была и больше²³. Так, профессора СГУ М. И. Райский и В. В. Буш сообщали в анкетах в 1927 г., что они заняты работой не менее 12 часов в сутки, а иногда и более²⁴. Помимо работы в стенах университета преподавателям приходилось дома, без дополнительной оплаты готовиться к лекциям, знакомиться с новой литературой, редактировать и проверять студенческие работы, составлять учебные пособия и заниматься научной работой²⁵.

Главным образом причиной перегрузки профессором и преподавателей по сравнению с дореволюционным периодом являлась работа по совместительству, что было связано с нехваткой преподавательских кадров на некоторых факультетах и в вузах. Если в 1923/1924 учебном году в Саратовском университете на 6308 студентов

приходилось 419 преподавателей, примерно по 15 студентов на одного преподавателя²⁶, то спустя 2 года ситуация еще больше усложнилась. На начало 1925/26 учебного года на 4422 студента приходилось 219 преподавателей, т. е. в среднем по 22,9 студента на одного преподавателя. При этом были большие различия между факультетами. Например, на медицинском факультете на одного преподавателя приходилось 17,8 студента, на педагогическом – 29,6, а на факультете хозяйства и права – 31,1²⁷. Спустя год ситуация с перегруженностью преподавательского состава в СГУ немного улучшилась. Так, к 1926/1927 учебному году на одного преподавателя приходилось уже на 2 студента меньше – примерно 19,9 человека. Чуть лучше дело обстояло в сельскохозяйственном институте, где на 62 преподавателя приходилось 773 студента, т. е. на одного преподавателя – около 12,5 человека²⁸. Еще более благоприятная ситуация наблюдалась в Саратовском областном коммунистическом университете, находившемся на особом положении, где на одного преподавателя приходилось менее 9 человек. Самая же серьезная перегруженность в то время была зафиксирована в ветеринарном институте, поскольку здесь на одного преподавателя приходилось свыше 26 студентов²⁹.

Наряду с увеличившейся нагрузкой на качество профессиональной деятельности научно-педагогических работников сказывался общий низкий уровень подготовки студентов вследствие практиковавшегося повсеместно классового принципа приема в вузы. В начале 1920-х гг. студенчество РСФСР по социальному происхождению на 70% состояло из рабочих, крестьян и служащих и лишь на 30% – из представителей интеллигенции³⁰. К середине 1920-х гг. из общего количества студентов саратовских вузов – 5281 человек – около 40% были выходцами из крестьян, около 30% – из служащих, 22% – из рабочих и менее 10% приходилось на лиц интеллигентного труда³¹. Разумеется, профессора и преподаватели саратовских вузов не могли открыто выступать против самого классового подхода к набору студентов, но они постоянно высказывались за прием подготовленных к учебе абитуриентов вне зависимости от их социального происхождения³².

Помимо учебной и научной работы профессора и преподаватели принимали активное участие в общественной и культурной жизни Саратовской губернии. Целый ряд обществ был организован или по инициативе научных работников, или при их деятельном участии: Волжское областное общество краеведения, Общество воинствующих материалистов, Общество содействия жертвам интервенции, Доброхим, Юридическое общество и др.³³ На одном из заседаний в Саратовском ветеринарном институте в 1925 г. при обсуждении вопроса о «втягивании» профессорско-преподавательского состава в общественную работу отмечалось, что в этом деле достигнуты ощутимые

результаты: «Как профессора, так и преподаватели читают лекции по ветеринарии в Лигордиве и доме крестьянина»³⁴. А на общем собрании в сельскохозяйственном институте предлагали обратить особое внимание «на привлечение к общественной работе института младшего научно-педагогического персонала»³⁵.

Широкая культурно-просветительная работа осуществлялась университетским коллективом. Преподаватели выступали с публичными лекциями, вели различные предметные кружки, публиковали в местных газетах и журналах рецензии на новые книги, театральные постановки. Профессор В. В. Буш писал в 1927 г. одному из своих друзей, что ведет кружок преподавателей словесности при музее народного образования, читает публичные лекции, которые стали модными в университете, выезжал с лекциями в Аткарск³⁶.

Часть профессоров и преподавателей вузов Саратова принимала участие в профсоюзной работе, и они состояли членами городского совета, губернского съезда профессиональных союзов и губернского съезда советов.

Таким образом, на профессиональную повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е гг. существенное влияние оказывали социально-экономическая обстановка в стране, тормозившая развитие плодотворной научной работы, а также идеологическое воздействие советской власти, которая стремилась любыми способами использовать научную корпорацию в своих целях.

Примечания

- ¹ См.: Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009 : в 2 т. Саратов, 2009. Т. 1. С. 110–111.
- ² См.: Научные учреждения и научные работники г. Саратова (справочник). Саратов, 1927. С. 37–52.
- ³ См.: Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 110.
- ⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 340. Л. 10.
- ⁵ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 340. Л. 8, 10, 19.
- ⁶ См.: Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959. С. 324.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4737. Оп. 1. Д. 97. Л. 70–70 об.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 744. Л. 7.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 132. Л. 3 об.
- ¹¹ Там же. Л. 3.
- ¹² Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 126.
- ¹³ ГАНИСО. Ф. 6107. Д. 325. Л. 31, 69, 82.
- ¹⁴ Там же. Л. 101.
- ¹⁵ Там же. Л. 41.
- ¹⁶ Там же. Д. 333. Л. 38.
- ¹⁷ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁹ Там же. Л. 5.
- ²⁰ Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 10. Л. 52 ; Д. 11. Л. 244 ; Ф. 184. Д. 7. Л. 69.
- ²¹ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–26 об.
- ²² См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3190. Оп. 1, Д. 20. Л. 5–7.
- ²³ Там же. Д. 52. Л. 42, 44–45. Д. 140. Л. 47.
- ²⁴ ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 325. Л. 115, 21.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 169. Л. 1.
- ²⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 425. Л. 16.
- ²⁷ См.: Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 116.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 340. Л. 19.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 744. Л. 16.
- ³¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 372. Л. 68.
- ³² См.: Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
- ³³ См.: Семичастнов М. Саратовский университет как культурный центр Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. 1925. № 10. С. 90.
- ³⁴ ГАНИСО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7. Л. 48 об. –49.
- ³⁵ Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.
- ³⁶ См.: Письма В. В. Буша к Вас. В. Гиппинсу. 1925–1929 гг. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2003 год. СПб., 2006. С. 326–327.